

ПРОЛОГ

Теперь я понимаю: когда погибла Варя, я погиб тоже.

Она, и только она, воплотила в себе все, о чем я мог лишь мечтать. Единственный раз я был созерцателем и отчасти обладателем чего-то светлого и настоящего. Мы виделись, мы общались, мы вместе работали, мы были близки — большего и желать нельзя. Разве только того, чтобы это не кончалось. Но так не бывает: счастье не может быть вечно. Всякое подлинное, непридуманное, истинное и ослепительное счастье обречено изначально. Как редкий человек, в самом деле державший такое счастье в руках, я могу утверждать это наверняка.

Да, то было самое счастливое время в моей жизни. Вернее, не время даже, а кратчайший миг. Тем ценнее для меня каждая миллисекунда этого мига, который я храню в памяти от и до, помня буквально все. Помню все, но так мало знаю...

Ведь я так до сих пор и не могу быть уверенным в том, что действительно знаю, что с ней случилось. Но уже и это не столь важно...

Сейчас я сознаю еще и то, что иногда лучше не знать всей правды. Она может быть слишком ужасной — и это не даст покоя. Или слишком разочаровывающей — и это повергнет в уныние. Или чересчур подозрительной, что посеет в душе непрерывные сомнения.

Пониманием этого я обязан Вале — «Варе № 2», которая будто воскресла из мертвых, чтобы окончательно свести меня с ума. И очень жаль, что ей это не удалось...

В чем еще я до сих пор не уверен, так это в вопросе выбора между неизвестностью и сомнением. Что лучше — не ведать вовсе ничего или знать лишь чью-то версию?

Над этой, с одной стороны, историей или былью (для стороннего наблюдателя), а с другой — над трагедией и катастрофой (для меня как главного участника) изначально веяла какая-то фатальная предопределенность. Я словно бы с самого начала прекрасно знал, что это закончится шоковым потрясением, отчаянным крахом. Возможно, я придумываю и задним числом приписываю случившемуся судьбоносные черты, но все-таки слишком многое в стремительной истории моих взаимоотношений с актрисой В. (двумя актрисами — В. и В.) указывало и намекало на роковой финал.

С первых мгновений моего знакомства с Варей я как будто стал слышать что-то вроде шагов Командора: сначала они были еле различимы, как первые такты равелевского «Болеро», потом — все отчетливее, а к моменту, когда у меня отняли мою любимую, Каменный Гость уже вовсю отплясывал

в моей голове, нестерпимо грохоча тяжелыми сапожищами.

Разумеется, этим Каменным Командором был не Волнистый — такое было бы просто смешно, низвело бы высокую трагедию до уровня дешевого фарса.

Нет, сама Судьба безжалостно направляла течение данной драмы — прямо как у древних греков.

И «второй дубль», явленный мне в лице Вали, окончательно доказывает: некто (Некто в сером?) непрестанно режиссировал этим современным советским детективом, столь непохожим на все досужие сочинения Овалова, Адамова и Семенова.

Тайная страсть, оборвавшаяся вследствие смерти; чрезвычайная загадочность, сопутствующая этой смерти; мое любительское «следствие» в надежде распутать множественные узлы... — все это, казалось бы, типичный детектив (пусть и невыдуманный, а значит, лишенный тех неловких натянутостей и громких эффектов, которыми он обычно сопровождается в кино и литературе).

Но в каком детективе (тем паче советском) вы могли наблюдать отчетливую структуру древнегреческой трагедии? В данном же случае она налицо: пролог (задумка фильма), парод (кинопробы), эпизодии (встреча с Варей и явление Вали), стасимы (о съемках картины и любовных свиданиях, о страсти и смерти), коммос (расследование, сопровождающееся горьким плачем доморощенного сыщика-протагониста).

Вот только катарсис никак не вписывается в означенную схему. Именно потому, что в данном случае я был не зрителем и даже не режиссером, но действующим лицом...

Так, ну а с чего же это все началось, возникло, закрутилось и завертелось? Вспомнил — с Волнистого. С Волнистого и удивившего меня делового предложения, которое у него ко мне было. От первого варианта этого предложения я наотрез отказался, а вот из второго и развернулась вся эта история.

Впрочем, обо всем по порядку.

1

Мы закурили.

— Ладно, я перейду к делу, — сказал Волнистый через минуту.

Я усмехнулся:

— Так и думал, что у тебя какое-то дело.

Волнистый немного смутился:

— Да нет, старик, я действительно рад тебя видеть. Я давно уже думал, что неплохо бы встретиться, пообщаться. Просто повода все как-то не было...

Я вскинул брови:

— А теперь, значит, появился?

— Не без этого, — наконец согласился Волнистый. После чего он перегнулся через столик ко мне и перешел на шепот, словно поверял какую-то тайну и его могли подслушать. Между тем его пресловутый повод был куда более пустяковым, чем я думал. — Аркаша, я прочитал твой сценарий, — вот что сказал Волнистый — и сказал так, как разведчик произносит тайный пароль в каком-нибудь паршивом фильме. И в паршивом, добавлю, исполнении.

Я недовольно поморщился — и от фальшивого тона Волнистого, и от тех излишеств, которыми он

обставил столь элементарный разговор, а главным образом — от этого с малых лет выворачивающего меня обращения: «Аркаша». И так-то я всю жизнь не в восторге от своего имени, а уж от уменьшительной его формы... К тому же ко мне так никто не обращался, пожалуй, уже с институтской скамьи.

— Аркадий, — ровным тем не менее тоном поправил я. — Лучше если просто Аркадий.

— Как скажешь, — с угодливостью отозвался Волнистый. И значительно присовокупил: — Аркадий.

Черт возьми, в его пухлых устах даже и полная форма моего имени раздражает неимоверно.

— Ну так вот, Аркадий, — он так и будет теперь произносить это с таким мерзким нажимом? — я прочитал твой сценарий, — уже чуть более естественным голосом повторил Волнистый.

— Поздравляю, — вяло прокомментировал я.

— Да нет, старик, это я тебя поздравляю! — К Волнистому вернулась его восторженность. — Это же просто чума что такое! Мировой сценарий, просто мировой!

Не скрою, мне польстила такая его реакция, хотя еще в большей степени позабавила. Уж я-то знаю цену своему сценарию. Так себе сочинение, прямо скажем. Разве что совершенно выбивается из всего, что на сегодняшний день можно увидеть в советском кино. Тем труднее будет пробить его постановку, но даже если удастся, то очень сомнительно, что это принесет мне что-то хорошее. Критика, понятно, разгромит в пух и прах, уличит в низкопоклонстве перед Западом — и черт его знает, как это скажется на моей дальнейшей работе. Может, уже вообще ничего «сомнительного»

мне потом не доверят. Будут только идеологически выверенные сценарии одобрять — историко-революционные, прости господи, или из жизни рабочего класса, что немногим для меня привлекательнее.

И самое смешное, что все это будет справедливо. Интересно, неужели Волнистый всерьез считает мой сценарий «мировым»? Да во всем мире меня еще раньше поднимут на смех. Все яснее ясного, скажут, посмотрел этот коммуняка «В прошлом году в Мариенбаде» — и сварганил жалкую кальку... Конечно, это еще как снять, но кто у нас сможет сделать кино на уровне Алена Рене? Я таких не знаю — про себя уж молчу. Нет, все-таки Волнистый, по-моему, издевается. Быть не может, что он в этом что-то увидел. Не дурак все ж таки. Дураки так не живут — и столь ловко не лавируют между успехом у публики и у начальства.

Или ему действительно захотелось всерьез оглушительной популярности? Можно подумать, то самое начальство по головке его погладит за какого-нибудь нового «Человека-амфибию»...

Да и мой сценарий совершенно не таковский. Не доросли еще наши зрители до подобных изысков. «Человека-амфибию» — это они с превеликим, за милую душу, а попробуй тот же «Мариенбад» в прокат сейчас пустить! Да толпами начнут с сеансов уходить...

2

— В общем, я тебя очень прошу, — прервал Волнистый мои раздумья, — отдай мне его!

— Кого? — В первую секунду я действительно не понял, о чем он.

— Да сценарий же! — воскликнул Волнистый.

— Отдать? — глупо повторил я. Экс-однокашник мой, кажется, уже стал нервничать из-за моей заторженности:

— Ну да, чтобы я, именно я его поставил! Как ты на это смотришь?

Я пожал плечами:

— Да я вообще-то для себя его написал... Именно потому, что меня перестали устраивать чужие сценарии...

— Значит, ничего другого в заглавнике у тебя сейчас нет? — с досадой процедил Волнистый.

— Нет, — подтвердил я и выпустил из сложенных трубочкой губ струйку дыма. Волнистый же осушил свой бокал и продолжил напирать:

— Это не сахар, конечно, но что-нибудь сможем придумать... Можно ведь заказывать сценарии — авторы охотно на это идут. Я сам об этом раньше не задумывался — а ведь это такой выход для нашего брата. Позвони вот, ну я не знаю, тому же Шпаликову, опиши вкратце, чего хочешь, — и он тебе вот такой сценарий приготовит, закачаешься! — Волнистый вытянул большой палец на правой руке и энергично затряс им.

— Шпаликов пишет не в том стиле, в котором работаю я, — со скепсисом отозвался я.

— Ну поговори с Дунским и Фридом, с Ежовым, с Каплером, наконец!

— Угу, — усмехнулся я, — скажи еще — с Габриловичем.

— А чем тебе Габрилович не угодил? — Волнистый аж всплеснул руками от изумления.

— Да не хочу я снимать ни про Ленина, ни про Корчагина, ни про всех прочих коммунистов...

— Про Корчагина разве Габрилович писал? — усомнился Волнистый.

— Нет, Островский.

— Понятно, что Островский. А сценарий чей?

— Не помню. «Овода» точно Габрилович инсценировал.

— Это который со Стриженовым «Овод»?

— Ну а какой еще... У нас другого не было.

— А что, хорошая картина.

— Да ничего особенного, — поморщился я. — Хотя по такому ужасному роману и «ничего особенного» снять — достижение!

— А ты не изменился, — засмеялся Волнистый. — Все такой же критикан.

— Могу заверить, что к своим фильмам я еще критичнее, чем к любым чужим.

— Ты молодец, молодец, — вновь стал льстить Волнистый. — Последовательный. Тоже всегда таким был... — Это он про меня или уже про себя? — Ну а этот твой сценарий — ты им тоже, значит, доволен?

В другое время я с удовольствием разгромил бы свой сценарий в хвост и гриву, но после восторгов Волнистого мне почему-то не хотелось делать это вслух.

Я зажег следующую сигарету, затянулся и важно изрек:

— Ну если постараться, то из этого может выйти приличный фильм.

— И я так думаю, — поддакнул Волнистый.

— Вот поэтому, — подытожил я, — я, конечно, и буду снимать его только сам.

Волнистый не сумел скрыть своего разочарования — улыбка и благожелательность неестественно, как при замедленной съемке, сползли с его лица.

— Значит, вообще никому не отдашь? — мрачно спросил Волнистый.

Я хотел было ответить, что Тарковскому, Хуциеву, Данелии отдал бы с радостью, но решил не портить отношения с Волнистым. К тому же я знал, что режиссеры вроде названных таким сценарием нипочем и не заинтересуются.

— Да, Валера, — как бы с сожалением произнес я, — все-таки никому не отдам.

3

Однако Волнистый не сдавался.

— Если бы я взялся ставить твой сценарий, это было бы очень выгодно прежде всего тебе. Сам знаешь, драматурги у нас получают больше постановщиков. Особенно те, которые работают в одиночку.

Я мог бы ему заметить, что он тоже мало изменился со студенческой скамьи. Воскликнуть: «А ты все такой же настойчивый!» — было бы слишком льстиво; сказать же, что он до сих пор остался упрямым бараном, — чересчур грубо. Вместо этого я всего лишь устало возразил:

— Однако единоличный автор сценария, который при этом еще и режиссер, получит еще больше.

— Ну можешь забрать мой режиссерский гонорар! — немедля выпалил Волнистый. Я чуть не по-

перхнулся сигаретой, но уже через пару секунд понял, что коллега блефует. Он прекрасно знает, что я не соглашусь на такое рваческое предложение. Ладно, я знаю, чего он ждет, — чтоб я изобразил изумление. Что ж, мне нетрудно, изображу.

— Прямо не понимаю, — картинно развел я руками, — что тебя так зацепило в этом моем, с позволения сказать, произведении?

— Я и сам толком не знаю, — охотно продолжил игру Волнистый и пожал плечами. — Только я прямо загорелся! Хочу этот фильм поставить — и точка.

— Напиши сам что-нибудь в таком же роде.

— Но это будет подражание.

— Об этом не беспокойся, я не обижусь. И никому не скажу.

— Да я сам на себя обижусь... Не смогу я сделать что-то в этом роде, потому что ты уже все сделал за меня. Вот именно так, как я хотел. Я не скажу, что твой сценарий — это какой-то невероятный шедевр...

— Спасибо и на этом, — с улыбкой прервал я, — а то и так почти до небес меня превознес.

— ...Но он как будто просто для меня сделан, — продолжал Волнистый. — Я как прочел, сразу понял: именно такой фильм я мечтал поставить всю свою жизнь!

После таких экзальтированных признаний мне даже неловко было ему отказывать, но я преодолел себя.

— И тем не менее, — вздохнул я с видом глубокого сожаления, — этот фильм я буду снимать сам.